Рина Манова

ПОКА СТЕКЛО ГОРЯЧЕЕ

роман

18+

Рина Манова

Пока стекло горячее

«Автор»
2026

Манова Р.

Пока стекло горячее / Р. Манова — «Автор», 2026

Подержанный телефон за семь тысяч оказывается не до конца стёртым.
Из чужой переписки художница Майя узнаёт, что Лев Ланской, наследник стекольного завода, женится без любви, чтобы спасти дело отца. И что кто-то приказал прятать «гордеевскую историю» — историю гибели её собственного отца.Майя пишет Льву анонимно, получает заказ на роспись заводской стены и влюбляется. Лев доверяет таинственной «Совести» больше, чем кому-либо, и не знает, что она стоит у него на лесах с кистью. А у правды, которую прятали пятнадцать лет, есть сторожа, и они готовы на всё.Роман о любви, которая начинается со лжи, и о стекле, которое не прощает спешки.

© Манова Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Б/у 6
Глава 2. Чужая жизнь 11
Глава 3. Ланской 15
Глава 4. Заказ 20
Глава 5. Цех 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Рина Манова
Пока стекло горячее

Глава 1. Б/у

Телефон утонул в чашке с кофе во вторник, в половине восьмого утра, и Майя Гордеева успела подумать только одно: хорошо, что не в ванне.

Она выловила его двумя пальцами, как дохлую рыбку, потрясла, подула в разъём для зарядки, зачем-то положила в пакет с рисом, хотя риса там было на донышке, ещё с лета, когда она пыталась варить плов для Зои и сожгла кастрюлю. Шпатель, рыжий кот с белым пятном на носу, сел рядом и стал смотреть на пакет с таким видом, будто в нём что-то шевелилось.

— Не смотри так, — сказала ему Майя. — Сама знаю.

К обеду телефон не ожил. К вечеру тоже. На экране иногда вспыхивала белая полоса, как сигнал из космоса, и гасла. В телефоне было всё: заказ от издательства «Ласточка» на двадцать разворотов про ежа, который боялся темноты, переписка с редактором Ниной Аркадьевной, которая отвечала только голосовыми по четыре минуты, номер мастера, обещавшего починить кран ещё в сентябре, и мамины сообщения из Дзержинска, все до одного начинавшиеся словами «Майечка, ты только не волнуйся».

В среду утром она поехала на Мытный рынок к Зое.

Зоя держала там точку размером с примерочную: «Ремонт телефонов, планшетов, ноутбуков. Продажа б/у. Чехлы». Чехлы висели на стене, как шкурки, и среди них, под стеклом, лежали чужие телефоны с приклеенными бумажками: «Самс. A52, 9500», «Айф 11, батар. 84%, 14000», «Сяоми, как новый, торг». Сама Зоя сидела за прилавком с паяльником, в очках с увеличительными стёклами на лбу, и была похожа на хирурга, у которого пациенты не жалуются.

— Давай, — сказала она, не поднимая головы, и протянула руку.

Майя положила в ладонь свой телефон. Зоя посмотрела на него сквозь очки, понюхала разъём и вздохнула.

— С сахаром?

— С сахаром и с молоком.

— Ну ты, мать, извращенка. Кто ж телефон с молоком топит. Плата, скорее всего, всё. Могу попробовать вытащить память, но не обещаю. Дня три. А пока бери вот.

Она отодвинула стекло и выложила на прилавок чёрный телефон без чехла, гладкий и тяжёлый, с маленькой царапиной у камеры.

— Это чей?

— Теперь твой, если семь тысяч дашь. Вчера сдали. Мужик какой-то, нет, девушка, секретарша, наверное. Сказала, начальник новый купил, а старый ему не нужен. Батарея нормальная, экран родной. Я его сбросила, вроде. Ну, почти. Не успела проверить, в обед мужик с ноутбуком пришёл, у него там вся бухгалтерия, сама понимаешь.

— Что значит «почти»?

— Значит, приходи вечером, досброшу. Или сама. Там всё просто: настройки, сброс, подтверждаешь. Симку вставляй, пользуйся.

Семь тысяч Майя отдала с тяжёлым сердцем. Еж, который боялся темноты, должен был принести ей сорок, но только в декабре. До декабря надо было ещё дожить.

Она вставила симку прямо у прилавка. Телефон проснулся, показал заставку — какое-то синее, похожее на воду, — и попросил пароль.

— Зоя.

— Шесть единиц, — сказала Зоя, не отрываясь от паяльника. — Девушка сказала. Я ж говорю, почти сбросила.

Дома Майя первым делом покормила Шпателя, вторым поставила чайник, третьим села на подоконник с телефоном. Подоконник в её квартире был широкий, старый, на нём можно

было лежать, если подогнуть ноги, и с него было видно, как Ильинская уходит вниз, к Рождественской, к реке. Дом был купеческий, кирпичный, с лепниной, которая отваливалась кусками и которую никто не приклеивал обратно. Квартира досталась ей от бабушки, и в ней всё было немного не так: дверь в ванную не закрывалась, если не приподнять её за ручку, батарея в спальне грела только верхней половиной, а паркет скрипел в двух местах, и Майя обходила эти места, как лужи.

Телефон был почти пустой. Почти. Галерея чистая, контакты чистые, почты нет. Майя уже открыла настройки, чтобы найти этот самый сброс, когда сверху выпало уведомление.

«Лёва, ты где? Папа спрашивал».

Она моргнула. Уведомление исчезло. Через секунду пришло следующее, из того же синего мессенджера, иконки которого на экране не было:

«Ладно, сама скажу ему, что ты на совещании. Перезвони».

Майя полезла искать, откуда это. Нашла не сразу: мессенджер был спрятан в папке «Разное» вместе с калькулятором и компасом. Открыла. Он открылся сразу, без пароля, без кода, без всякого «подтвердите, что это вы». Как будто она просто взяла чужую куртку с вешалки, сунула руку в карман, а там ключи, записки, мелочь и ещё тёплая перчатка.

Чатов было много. Сверху — «Тётя Ира», та, которая искала Лёву. Ниже — «Полина работа». «Митька Кольцов». «Гранин В.С.». «Вероника». «Юрист Пахомов». «Отец», с последним сообщением трёхмесячной давности: голосовое на одиннадцать секунд. «Кручинин О.П.». «Цех 3 мастер». «Гостиница Бор». Дальше она не посмотрела, потому что поняла, что сидит, затаив дыхание, и что чайник уже давно свистит.

Она выключила чайник, вернулась и положила телефон экраном вниз на подоконник.

— Надо сбросить, — сказала она Шпателю.

Шпатель сидел на кухонном столе, куда ему было нельзя, и вылизывал лапу.

— Это чужое, — сказала Майя. — Ты бы стал читать чужие письма?

Шпатель стал бы. Шпатель однажды съел её черновик с бобрами.

Она снова взяла телефон. Решила так: найдёт этого Лёву, напишет ему с этого же аккаунта, что его телефон продали вместе со всем содержимым, пусть он сам выйдет отовсюду, а потом она сбросит. Так честнее. Так правильно. Только для этого надо понять, кто такой Лёва.

Профиль: Лев Ланской. Фотографии нет, вместо неё — серый кружок с буквами ЛЛ.

Фамилию она узнала раньше, чем поняла, что узнала. Так бывает, когда ступенька в темноте оказывается выше, чем ждёшь, и ты уже споткнулся, а голова ещё думает, что идёшь ровно.

Ланской.

Стекольный завод Ланских стоял на том берегу Волги, в Бору, сто пятьдесят лет без малого. Там делали посуду, бутылки, аптечные пузырьки, а когда-то давно, ещё до революции, и витражи для церквей. На том заводе тридцать лет проработал стеклодувом её отец, Николай Гордеев. И там же, пятнадцать лет назад, в ноябре, он погиб, когда на третьей печи прорвало стекломассу.

Майе тогда было четырнадцать. Она помнила этот день плохо, урывками, как сон, который пытаешься пересказать утром: мамино лицо, белое, с какими-то чужими губами; соседку тётю Галю, которая зачем-то мыла у них на кухне пол; гроб, закрытый, обитый красным; и человека в тёмном пальто на кладбище, который стоял в стороне и не подошёл. Ещё она помнила, что после похорон мама долго разговаривала по телефону с кем-то с завода и потом сказала: «Несчастный случай. Нарушение техники безопасности. Сам виноват». И заплакала так, как не плакала даже на кладбище.

Потом были какие-то деньги «от профсоюза», мама на них сделала ремонт и поставила памятник. Потом Майя поступила в художественное училище, потом в Строгановку, на книж-

ную графику, потом вернулась. Про завод она старалась не думать. Мост через Волгу на Бор был виден с её подоконника, если высунуться, и она не высовывалась.

Она сидела с телефоном в руке и смотрела на серый кружок с буквами ЛЛ.

Может, однофамилец. Ланских, конечно, мало, но мало ли.

Она открыла чат «Отец». Голосовое на одиннадцать секунд. Под ним — её собственный, то есть Лёвин, ответ: «Пап, я выезжаю, буду через пять часов. Держись». Дата — четырнадцатое июля. Выше — ничего, пусто: видимо, старую переписку он когда-то удалил. А может, они просто мало писали друг другу.

Голосовое она не включила.

Открыла «Кручинин О.П.». Олег Петрович Кручинин. Эту фамилию она тоже знала. Пятнадцать лет назад он был главным инженером завода и именно он, кажется, говорил с мамой по телефону. Сейчас, судя по переписке, он был кем-то вроде заместителя директора. Сообщения были деловые, сухие, с вложенными файлами: «Лев Аркадьевич, направляю график ремонта печей на четвёртый квартал». «Лев Аркадьевич, по поставщику кварцевого песка вопрос решён». «Лев Аркадьевич, Гранин ждёт ответа по договору до пятницы».

Не однофамилец.

Майя положила телефон и пошла мыть посуду, хотя посуды было две чашки и тарелка. Мыла долго. Потом протёрла плиту. Потом пересадила алоэ, которое не нуждалось в пересадке. Шпатель ходил за ней следом и смотрел с подозрением.

В одиннадцать вечера телефон звякнул.

Она не хотела смотреть. Она посмотрела.

«Вероника: Завтра в семь в "Безухове", не забудь. Папа хочет обсудить список гостей. И надень что-нибудь, кроме свитера».

И следом, через минуту:

«Вероника: Лев, я серьёзно. Нам обоим это не нравится, но давай хотя бы не позориться».

Майя перечитала второе сообщение трижды. Потом, уже не уговаривая себя, открыла чат «Вероника» и стала листать вверх.

Переписка с Вероникой была короткой и началась в августе.

Первое сообщение: «Добрый день, Лев Аркадьевич. Это Вероника Гранина. Папа дал ваш номер. Он считает, что нам стоит встретиться. Когда вам удобно?»

Ответ: «Добрый день. Мне неудобно никогда, но, видимо, придётся. Четверг, кофейня у Кремля, в пять?»

Дальше — всё на «вы», потом, где-то с середины сентября, на «ты», но холоднее, чем на «вы». Обсуждали даты. Ресторан. Фотографа. Вероника присылала скриншоты платьев с одним словом «это?», Лев отвечал «как хочешь». Вероника написала однажды: «Ты мог бы хотя бы делать вид». Лев ответил: «Я делаю вид при твоём отце. Тебе я врать не хочу». Она поставила под этим сообщением сердечко. Не красное — серое, усталое, какое ставят, когда соглашаются, но говорить не о чем.

Дата свадьбы стояла в одном из сообщений без всяких смайликов: двадцатое декабря.

Майя отложила телефон и посмотрела в окно. Внизу, по Ильинской, проехала поливальная машина, хотя был октябрь и поливать было нечего. Где-то за домами, за рекой, светились огни Бора. Если высунуться.

Она не высунулась.

Она открыла чат «Гранин В.С.».

Гранин писал редко и коротко, и каждое его сообщение было как кирпич, положенный аккуратно и на раствор. «Лев, банк готов подписать при условии, о котором мы говорили». «Условие не обсуждается». «Я не продаю дочь, я обеспечиваю гарантии. Семья — лучшая гарантия. Ваш отец это понимал». «Двадцатое декабря. Подписание кредитного договора — двадцать первое. Не наоборот».

И ниже, самое длинное, что Гранин написал за всё время:

«Лев, вы инженер, вы любите цифры. Вот цифры. Долг завода — девятьсот сорок миллионов. Кредитные линии закрыты. Ваш отец после инсульта не может подписать даже открытку. Если завод уйдёт в банкротство, на его земле через три года будет жилой комплекс, а восемьсот человек пойдут на биржу труда. Я предлагаю вам другой вариант. Да, он вам не нравится. Мне многое не нравится. Подумайте до понедельника».

Лев ответил на это через два дня. Одним словом: «Согласен».

Майя сидела и смотрела на это «Согласен», и внутри у неё было странное чувство, как будто она подсмотрела в чужое окно и увидела там не то, что ожидала, — не скандал, не измену, не что-то стыдное, а человека, который сидит за столом один, обхватив голову руками.

Она совсем не знала этого Льва Ланского. Она, если подумать, должна была его ненавидеть: он был сыном того человека, чей завод убил её отца. Ну, может, не убил. Может, отец действительно сам виноват. Мама так и не сказала, что именно там случилось, а Майя так и не спросила.

Но ненавидеть почему-то не получалось.

— Я сейчас его сброшу, — сказала она вслух.

Шпатель спал на её подушке, свернувшись в рыжий бублик.

Она нашла в настройках «Сброс». Палец завис над кнопкой «Стереть все данные». Экран светился в темноте, и в этом свете был виден её ноготь с остатками голубой гуаши.

Телефон звякнул снова.

«Митька Кольцов: Лёв, ты дурак. Я тебе это говорю как друг двадцать лет. Ты не обязан. Приезжай обратно в Йену, место твоё ещё держат».

И через пять минут — ответ. Не на этом телефоне. Ответ Льва пришёл в чат сам, синей облачкой справа, потому что аккаунт был один и тот же, а Лев сейчас, где-то там, за рекой или в центре, сидел с новым телефоном и печатал:

«Не могу, Мить. Там восемьсот человек. И отец. Он, когда я в больнице был, взял меня за руку и сказал одно слово. Я весь вечер думал, какое. Потом понял: "завод". Не "сын", не "прости". "Завод". Ну и вот».

Майя убрала палец с кнопки.

Она читала дальше, и ей было стыдно, и она понимала, что сейчас происходит что-то, о чём потом придётся долго думать, но остановиться не могла. Митька написал: «А если встретишь кого-то? Нормального. Своего». Лев ответил: «Не встречу. Я на заводе с семи до одиннадцати, там из нормальных только печи». Митька прислал смеющийся смайлик, потом серьёзный: «Лёв». Лев написал: «Спать иди. У вас уже ночь».

У них тоже была ночь. Майя сидела на подоконнике, обхватив колени, и телефон лежал у неё на ладони, тёплый, чужой, живой.

Она не стала его сбрасывать.

Не потому что решила подглядывать дальше. Она так себе и сказала: не поэтому. Просто сейчас половина двенадцатого, и она устала, и завтра надо рисовать ежа, а сбросить можно и утром. Утром она всё сделает правильно.

Она положила телефон на тумбочку экраном вниз, легла рядом со Шпателем и долго смотрела в потолок, где от уличного фонаря лежало жёлтое пятно в форме неровного окна.

Телефон больше не звенел. Но она всё равно не могла заснуть, потому что в голове крутилась одна фраза, и это была даже не фраза Льва и не фраза Гранина. Это была фраза Вероники, будущей жены, которая не хотела выходить замуж:

«Нам обоим это не нравится».

Обоим. Значит, есть двое людей, которые идут туда, куда идти не хотят. И есть один человек — она, Майя Гордеева, двадцать девять лет, иллюстратор, кот, долги за коммуналку, — который об этом знает.

Заснула она около трёх. Ей снился отец. Он стоял у печи, в своём брезентовом фартуке, и выдувал на конце длинной трубки стеклянный шар, огненный, оранжевый, и шар всё рос и рос, а отец смотрел на неё через этот шар и что-то говорил, но она не слышала что, потому что печь гудела.

Утром она проснулась от того, что Шпатель сидел у неё на груди и требовал завтрак. Телефон на тумбочке молчал.

Она взяла его, открыла настройки, нашла «Сброс». И закрыла.

Глава 2. Чужая жизнь

Её собственный телефон Зоя так и не воскресила.

— Коротыш по питанию, — сказала она в пятницу и положила на прилавок маленькую пластинку в пакетике, как улику. — Память вытащила, фотки все скинула тебе на флешку, контакты в облаке были. А сам аппарат — всё. Можешь повесить на ёлку.

— Ничего, — сказала Майя. — Я новым пользуюсь.

Зоя подняла на неё глаза поверх очков.

— Сбросила?

— Сброшу.

— Майка.

— Сброшу, говорю. У меня еж.

Зоя дружила с ней с первого класса и понимала с полуслова, даже когда Майе очень хотелось, чтобы её не поняли. Сейчас был именно такой случай.

— Там что-то есть, — сказала Зоя. — У тебя уши красные.

— У меня уши красные, потому что на улице ветер.

— На улице ветер, а ты в шапке. Рассказывай.

Майя стянула шапку, помяла её в руках и сказала только:

— Та девушка, которая сдала телефон. Она не говорила, откуда?

Зоя полезла в ящик, порылась в стопке квитанций и вытащила одну.

— Вот. Я ж не дура, я паспорт спрашиваю, а то потом окажется, что краденый. Рожкова Полина Сергеевна. И ещё она спрашивала, можно ли счёт на организацию выписать, я сказала — нет, у меня самозанятость. А она мне: жаль, у нас бухгалтерия любит счета. И визитку оставила, на случай, если мы захотим праздничные бокалы на рынок заказать. Такая, знаешь, деловая. На каблучках по нашей луже.

На визитке был нарисован стеклянный шар в кружке и стояло тиснёными литерами: «Стекольный завод Ланских. С 1876 года». Ниже мелко: «Помощник директора».

Майя долго смотрела на нарисованный шар. Отец когда-то приносил домой такие шары, настоящие, елочные, с браком: пузырёк внутри, стенка толще с одного бока. Брак разрешали забирать. У них была целая ёлка бракованных шаров, и Майя считала, что они красивее магазинных, потому что у каждого было лицо.

— Можно я возьму? — спросила она.

— Бери, мне-то что. — Зоя сняла очки. — Май, ты что задумала?

— Ничего. Правда ничего. Я просто хочу вернуть человеку его вещи.

И это даже не было враньём. Пока не было.

Еж сидел на листе бумаги посреди тёмного леса и смотрел на Майю с укором. Лес вышел слишком тёмным. Нина Аркадьевна в очередном голосовом на четыре минуты объяснила, что дети должны бояться темноты вместе с ежом, а не вместо него, и что темнота должна быть «немножечко сиреневая, как вечером за дачей». Майя развела сиреневый, попробовала на черновике и поняла, что слушает не ежа, а телефон.

Он лежал на краю стола, рядом с банкой с кистями. Раз в час или раз в полчаса он вздрагивал, и Майя вздрагивала вместе с ним.

За три дня она узнала о Льве Ланском больше, чем о своём последнем парне за полгода. Он вставал в шесть: в шесть десять он уже писал мастеру третьего цеха: «Свод второй печи, цифры?». Мастер отвечал цифрами, тысяча четыреста с чем-то, и Майя, которая помнила отцовские слова, знала, что это градусы и что это много. В восемь он писал сиделке отца, той самой тёте Ире: «Как ночь?». Тётя Ира отвечала подробно, с сердечками и молитвенно сложенными ручками: спал, проснулся в три, искал что-то на тумбочке, сердился, что не может

сказать, что именно, потом уснул. Лев писал: «Спасибо. Вечером заеду». И заезжал: в одиннадцать вечера тётя Ира писала ему «спасибо, Лёвочка, он после тебя всегда спокойнее».

Один раз он написал ей: «Ирина Васильевна, а что он искал на тумбочке? Может, очки?». И через час: «Или ключ. У него был маленький ключ от сейфа на заводе, он его всегда в кармане носил. Посмотрите, пожалуйста, в пиджаке». Тётя Ира не нашла.

В девять начиналась работа, и там Майя тонула. Шихта, фритта, доломит. Лещадь, на которой разбили паллету с бутылкой для сиропов. Поставщик кварцевого песка из Ардатова, который вез песок дороже и хуже, чем раньше, но с ним почему-то продлили договор. «Олег Петрович, почему мы продлили "Стеклоресурс"?» — «Лев Аркадьевич, другие поставщики не дают отсрочку, а у нас, сами знаете, с деньгами…» — «Понял». Майя заметила, что слово «понял» Лев писал часто и что оно никогда не означало, что он понял. Оно означало «я запомнил и вернусь».

И ещё был чат «Избранное».

В «Избранном» Лев писал сам себе. Майя сначала не поняла, что это, — какие-то обрывки, списки, ссылки на немецкие статьи про теплоизоляцию свода. Потом стало понятно: это была его карманная тетрадка.

«Печь 2: свод. До весны не дотянет».

«Купить отцу грушевый сок. Не яблочный, яблочный он выплёвывает».

«Вероника — размер кольца 16,5».

«Посмотреть архив 2011».

«Не думать».

Последнее было написано в два часа сорок ночи, пять дней назад. Два слова и точка. Майя смотрела на них, и ей вдруг захотелось взять карандаш и нарисовать человека, который в два часа сорок ночи пишет самому себе «не думать». Она не знала, как он выглядит. Нарисовала спину, сгорбленную над столом, и лампу. Потом разозлилась на себя и закрасила спину сиреневым, и получилась сиреневая темнота, как вечером за дачей. Нине Аркадьевне бы понравилось.

«Архив 2011» она перечитала ещё раз. Отец погиб в ноябре одиннадцатого. Это ничего не значило. За год на большом заводе происходит тысяча вещей, и в архив попадают все. Она сказала себе это вслух, и Шпатель с ней согласился, потому что спал.

В субботу пришло письмо от юриста Пахомова.

Пахомов был человеком старой школы и писал сообщения как письма: «Уважаемый Лев Аркадьевич!», с новой строки, и в конце «С уважением, А.В. Пахомов». К сообщению был приложен файл: «Брачный_договор_ред_09_10.pdf».

«Уважаемый Лев Аркадьевич! Направляю окончательную редакцию, согласованную со стороной В.С. Гранина. Все обсуждавшиеся правки внесены. Обращаю внимание, что документ стандартный и рисков для вас не несёт. Подписание у нотариуса предлагаю назначить на пятницу. С уважением, А.В. Пахомов».

Лев ответил через десять минут: «Спасибо, Анатолий Викторович. Пятница подходит».

Не прочитал, поняла Майя. За десять минут сорок страниц не прочитаешь, тем более в субботу, когда у тебя на заводе опять что-то течёт.

Она открыла файл.

В юридических бумагах Майя понимала ровно столько, сколько нужно, чтобы подписать договор с издательством и не отдать ему права на ежа навечно. Этому её научила жизнь и одно московское издательство, которое пять лет печатало её бобров на кружках и не заплатило ни рубля. С тех пор она читала всё, до последней строчки, и особенно внимательно — те пункты, где много слов «в случае» и «переходит».

Пункт 7.3 был именно таким.

В случае расторжения брака в течение пяти лет с момента его заключения — по любой причине, по инициативе любой из сторон — доля Супруга в уставном капитале ООО «Стекольный завод Ланских», полученная им в течение брака, в том числе в порядке наследования или дарения, переходит в собственность Супруги в качестве компенсации…

Она перечитала ещё раз. Потом второй абзац, про то, что «стороны договорились» считать супругу «лицом, действующим в интересах семьи» и что та может передать свои права третьим лицам без согласия супруга. Отцу, например.

Аркадий Ланской после инсульта не мог подписать даже открытку. Значит, всё его наследство рано или поздно перейдёт к Льву. А от Льва — к Веронике, стоит только ей подать на развод. А от Вероники — к кому угодно. К тому, например, кто написал про жилой комплекс.

Майя не была юристом. Может, она что-то не так понимала. Может, такие пункты всегда пишут и они ничего не значат. Она позвонила не кому-нибудь, а Свете Старостиной, с которой когда-то снимала комнату в общежитии. Света теперь работала в адвокатской конторе на Большой Покровской и разводила людей с таким аппетитом, что однокурсники звали её Светлана Расторжениевна.

— Свет, скажи чисто теоретически. Если в брачном договоре написано…

Света выслушала, хмыкнула и спросила:

— Ты замуж собралась?

— Я рисую ежа.

— Тогда передай ежу, — сказала Света, — что тот, кто такое подпишет, отдаст всё имущество за одно заявление в ЗАГС. Это не брачный договор, это купля-продажа с отсрочкой. Пусть еж бежит. И скажи мне, что это не ты.

— Это не я.

— Ну слава богу. А то у тебя голос какой-то… Давай, я в суд.

В субботу в суд Света не ехала. Света ехала на ботокс. Но Майя её поняла.

Уже вечерело, когда она снова оказалась у Зои. Рынок закрывался, торговцы опускали рольставни, и грохот стоял такой, что приходилось кричать.

— Мне нужна симка! — крикнула Майя. — Не на меня!

Зоя перестала опускать свою рольставню на высоте полуметра от земли.

— Чего?

— Симка. Чтобы написать одно сообщение. Одно, Зоя. И всё.

Зоя посмотрела на неё так, как смотрела на телефоны, утонувшие в чём-то сладком. Потом нырнула под рольставню, чем-то пошуршала в темноте и вынырнула с карточкой.

— Эта на меня. Старая, я с неё когда-то на Авито торговала. Баланс положишь сама. Майка, если ты влипнешь во что-то и придут ко мне, я скажу, что ты её украла.

— Справедливо.

— И скажи честно. Ты влюбилась в человека по его переписке?

— Нет, — сказала Майя и сама удивилась, как уверенно это прозвучало. — Я даже не знаю, как он выглядит.

— Ага, — сказала Зоя и с грохотом опустила рольставню до конца. — Это хуже всего.

Новый номер Льва нашёлся в чате с Митькой Кольцовым: «Запиши новый, старый Полина уже куда-то сбыла». Майя сидела на кухне с двумя телефонами: слева чёрный, чужой, справа мамин старый кнопочный, который валялся в тумбочке на случай войны. В кнопочном теперь сидела Зоина симка.

Она набирала сообщение долго, потому что на кнопочном телефоне буква «я» находилась через четыре нажатия, а «щ» вообще неизвестно где. Стирала и начинала заново. Первый вариант был длинный, с объяснением, с извинениями и признанием, что она читает его переписку. Второй — без признания. Третий — без извинений. Четвёртый она отправила.

«Не подписывайте брачный договор в редакции от 9 октября. Прочитайте пункт 7.3 сами, не со слов юриста».

Кнопочный телефон пискнул: «Сообщение доставлено». Майя положила его на стол, как горячую сковородку, и отодвинулась вместе со стулом.

Ответ пришёл через семь минут. За эти семь минут она успела представить, как он открывает файл, листает до седьмого раздела, читает, и где-то там, за рекой, у него темнеет лицо, которого она не видела.

«Кто это?»

Она не ответила. Через минуту:

«Вы от Гранина? Это проверка?»

И ещё через минуту:

«Откуда вы знаете про договор?»

Майя набрала, стёрла, набрала снова:

«Неважно. Я не от Гранина. Я ни от кого. Просто прочитайте».

Теперь ответ пришёл не сразу. Майя успела покормить кота, поставить чайник и снять его с плиты до того, как он засвистит, — впервые за месяц.

«Прочитал. Спасибо».

И следом:

«Вы понимаете, что я всё равно узнаю, кто вы?»

«Не узнаете», — написала Майя и тут же пожалела, потому что это прозвучало как вызов, а вызовов она бросать не собиралась.

«Узнаю. Но пока — спасибо. Честно. Я бы это подписал».

И потом, спустя долгую паузу, когда она уже решила, что всё:

«Почему вам не всё равно?»

На этот вопрос у Майи не было ответа, который можно было бы набрать на кнопочном телефоне. Она выключила его и сунула обратно в тумбочку, к старым батарейкам и бабушкиным очкам.

А чёрный телефон на столе тихо мигнул.

Не сообщение. Просто обновились контакты. Они синхронизировались через то же облако, о котором Зоя сказала «почти», и Майя открыла их, сама не зная зачем.

В самом верху списка, среди Анатолиев Викторовичей и мастеров третьего цеха, появился новый контакт. Номер Зоиной симки. И подпись, которую Лев Ланской только что, минуту назад, набрал на своём новом телефоне для человека без имени:

«Совесть».

Глава 3. Ланской

В ресторане «Безухов» подавали судака по-волжски и просили за него столько, сколько стоила смена стеклодува на заводе Ланских. Лев знал это точно, потому что вчера подписывал ведомость, и судак не лез в горло.

Виктор Семёнович Гранин ел с аппетитом. Он вообще всё делал с аппетитом: разговаривал, слушал, покупал землю. Невысокий, плотный, с аккуратной седой бородой и маленькими красивыми руками, он походил на доброго дедушку из рекламы кефира, и Лев давно заметил, что люди, первый раз видящие Гранина, начинают ему улыбаться раньше, чем он откроет рот. Когда откроет, улыбаться обычно уже поздно.

— По гостям, — сказал Гранин и промокнул губы салфеткой. — Со своей стороны я дал сто двадцать. Губернатор вряд ли приедет, но зам будет точно. А с вашей, Лев?

— С моей — тётя Ира. И отец, если врачи разрешат.

— А друзья? Коллеги?

— Друзья в Германии. Коллеги в цеху. Их я на свадьбу звать не буду, иначе они спросят, почему невеста ест, а зарплату задерживают.

Вероника подняла глаза от тарелки. У неё были светлые, почти прозрачные глаза, как вода в мелкой речке, и сейчас в них мелькнуло что-то вроде уважения. Она всегда начинала его немного уважать, когда он грубил её отцу.

Гранин не обиделся. Гранин никогда не обижался, он записывал.

— Зарплата будет двадцать первого декабря, — мягко сказал он. — Как и всё остальное. Вы же знаете, Лев, я человек простой. Сначала семья, потом деньги. У меня так всю жизнь.

Лев подумал, что у Гранина всю жизнь было наоборот и что именно поэтому сейчас он сидит напротив и покупает себе зятя вместе с девятью гектарами волжского берега. Но сказал другое:

— Я помню.

И стал смотреть в окно. В окне была набережная, фонари, чёрная вода, а за водой, далеко, низкий борский берег с редкими огнями. Один из этих огней, жёлтый и мигающий, был трубой второй печи. Лев узнал бы его с космической орбиты.

— Папа, — сказала Вероника, — можно мы сегодня не будем про деньги?

— Можно, крошка. Давайте про торт.

И они стали про торт. Вероника хотела лимонный, без крема, в три яруса. Гранин хотел в пять и с фигурками. Лев не хотел торта, но его никто не спрашивал, и он был за это благодарен.

На парковке, когда Гранин уже уселся в свой чёрный внедорожник с водителем, Вероника задержалась у его машины. Она была высокая, почти с него ростом на каблуках, с гладко зачёсанными светлыми волосами, и в осеннем свете фонарей походила на фотографию самой себя.

— Ты сегодня был почти человек, — сказала она.

— Я надел не свитер.

— Я заметила. — Она помолчала. — Лев, ты же понимаешь, что я тоже не очень…

— Понимаю.

— У меня есть… — Она быстро оглянулась на отцовскую машину. — Неважно. Просто знай, что я не злодейка из сериала. Я просто дочь своего отца. Это тоже диагноз.

— Сочувствую, — сказал Лев и почти улыбнулся. — У меня тот же.

Она коснулась его рукава, совсем легко, и ушла. Её каблуки чётко стучали по асфальту, как метроном.

В субботу вечером Лев сидел в отцовском кабинете в Бору, в доме, где вырос, и уже в пятый раз читал пункт 7.3.

Дом стоял в сотне метров от заводской стены, деревянный, двухэтажный, с резными наличниками, которые прадед заказал в Городце ещё при царе. Из окна кабинета была видна труба. В детстве Лев засыпал под её гул — печь нельзя останавливать, она гудела день и ночь, зимой и летом, и тишина для него навсегда осталась чем-то тревожным. В Йене он первые полгода спал с включённым вентилятором.

Отец был в соседней комнате. Там раньше была гостиная с роялем, на котором никто не играл со смерти мамы. Теперь рояль сдвинули к стене и поставили больничную кровать с пультом, и Аркадий Николаевич Ланской, который сорок лет держал завод в кулаке, теперь держал в кулаке пульт и не всегда помнил, зачем.

Инсульт случился в июле, прямо в кабинете на заводе, во время разговора с Кручининым. Лев прилетел через сутки и нашёл отца в реанимации областной больницы: маленького, серого, с перекошенным ртом. Правая рука не двигалась. Речь не вернулась. Врачи говорили — может вернуться, частично, через полгода, через год, если заниматься. Занимались. Пока у Аркадия Николаевича было в запасе слов семь, и он расходовал их экономно, как настоящий директор: «да», «нет», «Ира», «Лёва», «пить», «завод» и «блин».

А в августе выяснилось про долги.

Лев не был финансистом. Он был технологом-стекловаром, и хорошим: в Йене, на заводе, где делали оптическое стекло для телескопов, у него была своя лаборатория и два патента. Шесть лет он жил там, в маленькой квартире с видом на Рейнеровскую церковь, ездил на велосипеде, пил пиво с Митькой Кольцовым, который писал там программы для автомобильных датчиков, и почти не думал про Бор. Отец не просил. Отец всегда говорил: «Живи своей жизнью, завод сам разберётся». И врал, как оказалось. Завод тонул уже три года. Заказчики уходили к китайцам, кредиты перекредитовывались другими кредитами, печи старели, а Аркадий Николаевич по телефону говорил сыну «всё нормально» и спрашивал про погоду в Тюрингии.

Лев отложил телефон с пунктом 7.3 и потёр лицо. На тыльной стороне левой ладони у него был старый ожог, гладкий, белёсый, в форме вытянутой капли. Ему было семнадцать, он проходил летнюю практику в третьем цеху и полез править то, что не надо было править. Старый стеклодув, который его учил, сунул его руку в ведро с водой и сказал: «Стекло, Лёва, не любит, когда с ним спорят. С ним надо договариваться». Имени старого стеклодува Лев уже не помнил. Помнил только, что тот насвистывал за работой «На сопках Маньчжурии» и приносил в цех бутерброды с салом, завёрнутые в детский рисунок — каждый раз в новый.

Сейчас он с удовольствием договорился бы со стеклом. Со стеклом всё было понятно: температура, состав, вязкость, время. С людьми было хуже.

До сегодняшнего вечера он открывал брачный договор дважды: в августе, когда Пахомов прислал первый вариант, и в сентябре, со вторым. И оба раза читал не дальше первой страницы, потому что там были слова «Супруг» и «Супруга» с большой буквы, и от этих слов его начинало мутить. Пахомов вёл дела семьи двадцать лет. Пахомов сказал «стандартный». Лев поверил.

А сегодня ему написал человек без имени с номера, который ничего не говорил. И оказался прав.

Лев посмотрел на часы. Десять сорок. Поздно для звонка пожилому юристу. Он позвонил.

Пахомов взял трубку на шестом гудке, и голос у него был бодрый, слишком бодрый для человека, которого разбудили.

— Лев Аркадьевич! Случилось что?

— Анатолий Викторович, пункт семь три.

Пауза в трубке была короткой, но Лев её услышал. Так бывает, когда стекло на выдувке вдруг на долю секунды теряет натяжение: ещё не лопнуло, но уже понятно, что лопнет.

— А что с ним?

— Вы мне скажите.

— Лев Аркадьевич, ну это… это обычная формулировка, защитная. Виктор Семёнович настаивал, чтобы интересы дочери… Вы же понимаете, он вкладывает такие суммы… Я, честно говоря, не придал значения. Ведь вы же не собираетесь разводиться.

— А Вероника?

— Что — Вероника?

— Вероника собирается?

На этот раз пауза была длиннее.

— Лев Аркадьевич, если вы хотите, я переделаю. Давайте в понедельник, спокойно, при свете…

— Пятницу отмените, — сказал Лев. — И пришлите мне все документы по заводу, которые вы готовили с июля. Все. До понедельника.

— Лев Аркадьевич, там триста страниц…

— Ничего. Я научился читать.

Он положил трубку и понял, что у него дрожат руки. Не от страха. От чего-то другого, от чего он отвык за последние месяцы, — от злости, с которой можно что-то сделать.

Из соседней комнаты донёсся стук. Лев пошёл туда.

Отец не спал. Он лежал, приподнятый на подушках, и левой, здоровой рукой стучал пультом по перилу кровати. Тётя Ира уже ушла домой, на ночь с отцом оставался Лев.

— Пап, ты чего? Пить?

— Нет.

Серые глаза отца смотрели на него пристально. В последние недели Лев научился понимать отца по глазам лучше, чем за всю предыдущую жизнь по словам. Сейчас глаза говорили: ты что-то узнал.

Лев сел на край кровати.

— Пап, мне сегодня написал кто-то. Не знаю кто. Сказал, чтобы я не подписывал брачный договор. И был прав. Там такое… Гранин бы всё забрал. Всё, пап. И Пахомов это видел.

Отец смотрел. Левая рука с пультом лежала на одеяле, и пальцы сжимались и разжимались.

— Ты знал? — спросил Лев.

— Нет, — сказал отец. И сразу: — Да.

— Так нет или да?

Отец закрыл глаза, и на секунду Леву показалось, что он уснул. Но отец не спал. Он искал. Лев видел, как двигаются его губы, как он перебирает те немногие слова, что у него были, и не находит нужного. Это было страшнее, чем реанимация.

— Гор… — сказал отец.

— Горе?

Отец мотнул головой, сердито, по-старому.

— Гор… Гор… Блин.

— Город? Гора? Горелка?

На слове «горелка» отец посмотрел на него так, что Лев почти рассмеялся. Но смех застрял в горле, потому что у отца в углу глаза набралась слеза.

— Ладно, пап. Ладно. Потом. Разберёмся.

Он поправил отцу одеяло, выключил верхний свет и оставил только ночник. Отец проводил его взглядом до двери, и в этом взгляде было столько несказанного, что Лев поскорее закрыл дверь.

Митьке он написал в полночь, когда в Йене было одиннадцать и Митька ещё не спал, потому что Митька вообще не спал до двух.

«Мить, ты можешь узнать, чей номер? Российский».

«Могу. А зачем?»

Лев рассказал. Митька некоторое время молчал, потом прислал длинное голосовое, в котором три минуты из четырёх ругался по-русски и по-немецки, а в последнюю минуту сказал: «Давай номер».

Через сорок минут пришёл ответ.

«Оформлен на физлицо. Белова Зоя Андреевна, семьдесят четвёртый года рождения или девяносто седьмого, тут криво. ИП, ремонт электроники. Адрес точки — Нижний, Мытный рынок. Лёв, это ничего не значит, симки левые половина страны покупает. Мне копать дальше?»

Лев посмотрел на имя. Белова Зоя Андреевна. Оно ему ничего не говорило. Мытный рынок говорил что-то смутное, но он не понял что и не стал вспоминать.

Он долго сидел с телефоном в руке. Проще всего было бы поехать завтра на рынок, найти эту Зою Андреевну и спросить. Он даже представил, как это будет: тесная точка, провода, чехлы, и женщина за прилавком смотрит на него с испугом или с досадой.

Но человек с этого номера не хотел, чтобы его находили. И при этом спас его от самой большой глупости в жизни. А людей, которые делают тебе добро и не хотят, чтобы их благодарили, за шиворот не вытаскивают. Так делает только Гранин.

«Не надо, — написал Лев. — Пусть пока будет как есть».

«Ты странный».

«Я в Бору. Тут все странные».

Потом он открыл переписку с «Совестью» и перечитал всё с начала. Имя он придумал сам, не думая, и теперь немного стеснялся его, как стесняются пафосной надписи на подарке. Но переименовывать не стал.

«Вы спите?» — написал он.

Сообщение не доставилось. Одна серая галочка. Телефон на той стороне был выключен.

Лев улыбнулся, сам не зная чему. Вероятно, тому, что где-то там, за рекой, человек по имени Совесть спит, и ему всё равно, что он спит. Он своё сделал.

В понедельник в девять утра в кабинет директора завода постучала Полина Рожкова. В руках у неё была папка, на папке — стикер с котиком, и котик, как и Полина, выглядел чрезвычайно деловым.

— Лев Аркадьевич, по юбилею. До пятнадцатого декабря два месяца, а у нас ничего не готово.

Лев посмотрел на неё с таким видом, будто она напомнила ему про день рождения дальнего родственника. Он просидел над документами Пахомова все выходные и нашёл там ещё два пункта, похожих на 7.3, — в кредитном договоре и в договоре залога. Пункты были написаны так, что читать их было скучно. Скука, как оказалось, тоже бывает инструментом.

— Полина, придумайте что-нибудь. Вы же умеете.

— Я придумала. — Полина открыла папку. — Роспись. На стене старого гутного корпуса, той, что выходит к реке. Она всё равно серая и облезлая, её с теплоходов видно и с моста. История завода за сто пятьдесят лет. Стеклодувы, печи, витражи. Объявим открытый конкурс для художников, дадим в группы и в газету. Денег нужно немного, краски и гонорар. Пресса любит такое. А у нас сейчас… ну, вы понимаете, нам нужна хорошая пресса.

Лев подумал о серой стене. В детстве она была красной, с белыми буквами «Слава труду», потом буквы стерлись, краска облезла, и теперь стена походила на руку старика. В неё были вмурованы бронзовые доски с именами людей, погибших на заводе, — и в войну, и после. Последнюю доску отец повесил пятнадцать лет назад. Лев тогда уже учился в Москве и не приезжал, и сейчас вдруг понял, что даже не знает, чье там имя.

— Делайте, — сказал он. — Только доски не трогать.

— Какие доски?

— Памятные. Они на той стене висят. Художник пусть их обойдёт. Или пусть сделает так, чтобы они были частью. Я не знаю. Я не художник.

Полина записала в блокнот: «Доски — частью». И уже у двери обернулась:

— И ещё, Лев Аркадьевич. Звонил Виктор Семёнович. Просил передать, что не понимает, почему перенесли нотариуса. И спрашивал… — она заглянула в блокнот, — «кто именно посоветовал Льву Аркадьевичу внимательнее прочитать документы». Я сказала, что не знаю.

— Правильно сказали.

Когда дверь за Полиной закрылась, Лев долго сидел неподвижно. Откуда Гранин узнал, что ему кто-то посоветовал? От Пахомова, конечно. Пахомов позвонил Гранину ещё в субботу, сразу после разговора. Лев сказал одно лишнее слово, и слово уже улетело на другой берег.

Он достал телефон и написал в чат с «Совестью»:

«Нотариуса я отменил. В кредитном договоре нашёл ещё два похожих пункта. Не знаю, кто вы, но будьте осторожны. Гранин уже спрашивает, кто мне подсказал».

Одна серая галочка. Потом, через час, когда он стоял в третьем цеху и смотрел сквозь синее стекло защитных очков на огонь в смотровом окне второй печи, телефон в кармане вздрогнул.

Две синие галочки. И ответ, одно слово, то самое, которое сам Лев писал чаще всего и которое у него никогда не значило, что он понял:

«Поняла».

Лев смотрел на экран, и в гуле печи ему казалось, что он слышит, как стучит его собственное сердце.

Поняла. Женщина.

Глава 4. Заказ

Объявление появилось в среду, в группе «Художники Нижнего», между продажей мольберта и спором о том, можно ли называть искусством картины, нарисованные нейросетью. Майя увидела его не там. Она увидела его на день раньше, в чате «Полина работа», куда Полина скинула текст на согласование с пометкой «Лев Аркадьевич, просмотрите, пожалуйста, до обеда», а Лев ответил «нормально, только уберите "великое наследие", стыдно».

«Великое наследие» Полина убрала. В итоге получилось так:

«Стекольный завод Ланских (г. Бор) к 150-летию предприятия объявляет открытый конкурс на роспись торцевой стены старого гутного корпуса (площадь 340 кв. м, вид на Волгу). Тема — история завода и людей, работавших на нём. В стену вмурованы памятные доски; они должны стать частью композиции. Эскизы принимаются до 25 октября».

Они должны стать частью.

Майя прочла это и почувствовала, как стянулась кожа на затылке. На одной из этих досок было имя её отца. Она знала это точно, хотя никогда её не видела: весной двенадцатого года мама ездила на открытие и вернулась с гвоздиками и с полицетиленовым пакетом, в котором были конфеты и платок. Платок мама потом никогда не носила. Майя с ней не поехала. Сказала, что у неё контрольная по алгебре. Контрольной не было.

Вечером она позвонила Зое.

— Я не пойду, — сказала она вместо здравствуй.

— Куда?

Майя рассказала. Зоя слушала молча, только в трубке что-то булькало — Зоя варила пельмени.

— Май, — сказала она наконец. — Ты про отца сколько лет не говоришь? Пятнадцать? И на тот берег не ездишь. Я помню, как ты на выпускном отказалась на теплоход плыть, потому что он мимо Бора идёт.

— При чём тут теплоход.

— При том, что ты пятнадцать лет обходишь одно место, как лужу. А теперь тебе предлагают его зарисовать. В цвете. За деньги. Ты всегда говорила, что хочешь сделать что-то большое. Не ежа.

— Еж — это нормально.

— Еж — это прекрасно. А стена в триста сорок метров с видом на Волгу — это стена. — Зоя помолчала. — И ещё ты хочешь на него посмотреть. Не ври.

— На кого?

— Майка. На него.

Майя положила трубку и сидела с горящими щеками. Потом достала из шкафа большой лист акварельной бумаги, которую берегла два года неизвестно для чего, и расправила его на полу, придавив углы книгами. Шпатель немедленно лёг на середину.

— Уйди, — сказала Майя. — На тебе стену не распишешь.

Кот не ушёл. Она начала рисовать вокруг него.

Эскиз она делала десять дней, и все десять дней чёрный телефон лежал в ящике стола. Она приняла решение: если она будет участвовать в конкурсе, то честно. Без подглядывания. Без того, чтобы знать, что там думает жюри. Решение продержалось три дня. На четвёртый она достала телефон, чтобы только проверить, не случилось ли чего. Случилось: ардатовский песок опять пришёл с железом, и целая партия бутылок для минералки вышла зеленоватой. Лев написал Кручинину такое, что Майя аж присвистнула. Кручинин ответил коротко и нехорошо: «Будет сделано».

И ничего сделано не было.

А в «Избранном» появилась новая запись: «Почему Кручинин держится за Стеклоресурс? Посмотреть учредителей».

И в чате с «Совестью» — ничего. После её «поняла» Лев больше не писал. Майя проклинала себя за это «поняла» всю неделю. Зачем было отвечать? А если уж отвечать, зачем в женском роде? Можно было написать «ясно», «принято», «ок». Но тогда, в ту секунду, ей почему-то захотелось, чтобы он знал хотя бы это.

Эскиз получился не сразу. Первые три варианта она выбросила: в них были богатырские рабочие с советских плакатов и купцы в цилиндрах, и всё это было правильно и мертво. Четвёртый появился ночью, когда она сидела на полу и вертела в пальцах принесённый из кладовки ёлочный шар с пузырём внутри. Один из тех самых, отцовских.

В центре стены был стеклодув. Не богатырь — обычный человек, чуть сутулый, в брезентовом фартуке, со стеклодувной трубкой у губ. И из трубки рос шар — огромный, на полстены, прозрачный, а внутри шара, как в стеклянном колоколе, была вся история завода: и первый Ланской с сыновьями у деревянной печи, и церковные витражи, и женщины в ватниках с ампулами для фронта, и бутылки на конвейере, и Волга. А памятные доски Майя сделала каплями: от шара вниз, по стене, стекали капли расплавленного стекла, оранжевые, золотые, и в каждую каплю была вписана бронзовая доска, как пузырёк воздуха. Брак, который разрешали забирать домой.

Стеклодуву она не стала рисовать лицо. Только силуэт в жарком свете. Но она знала, чей это силуэт, и когда закончила, ей пришлось выйти на балкон и постоять на холоде в одной футболке, пока не перестали дрожать руки.

С балкона была видна Волга. И Бор, если высунуться.

Она высунулась.

Из двадцати семи заявок в финал вышли три. Об этом Майе сообщила Полина Рожкова по почте, и Полина же встретила её на проходной в первых числах ноября, на тех самых каблучках, про которые говорила Зоя. Каблучки были тёмно-вишнёвые и настолько неуместные среди заводской грязи, что вызывали уважение.

— Майя Николаевна? Проходите, пропуск готов. Каску возьмите, у нас на территории без каски нельзя.

Каска была белая и велика. Майя надела её поверх своего пучка, и каска села криво, как корона на пьяной королеве. Карандаш, торчавший из пучка, пришлось вынуть и сунуть в карман.

Завод был больше, чем она помнила. Или она просто ничего не помнила: отец брал её сюда раз или два, в детстве, на новогоднюю ёлку для детей работников, и в памяти остались только стеклянные сосульки на ели и Дед Мороз с настоящим запахом табака. Теперь вокруг были кирпичные корпуса с арочными окнами, ржавые цистерны, горы чего-то белого под навесами, погрузчики, люди в синих куртках. И над всем этим стоял гул, низкий, ровный, словно завод дышал через стиснутые зубы.

Майя вдруг вспомнила этот гул. Он сидел у неё внутри все пятнадцать лет, как мелодия, которую не можешь вспомнить, пока не услышишь первые такты.

— Вам нехорошо? — спросила Полина.

— Нет. Хорошо. Просто… громко.

— Это печи. Их нельзя выключать. Привыкнете.

Комиссия сидела в актовом зале заводоуправления, под люстрой из старого стекла, зелёного, похожего на лёд с пузырьками. За столом были: Полина, женщина из районного отдела культуры в берете, старик-стеклодув с висячими усами и мужчина лет пятидесяти пяти в дорогом сером костюме, с лицом таким аккуратным и гладким, будто его каждое утро протирали влажной салфеткой.

— Олег Петрович Кручинин, заместитель генерального директора, — представила Полина. — Лев Аркадьевич подойдёт, он в цеху.

Майя раскладывала на столе листы. У неё были холодные пальцы и сухо во рту, и она рассказывала про шар и про капли, и сама слышала, что говорит слишком быстро. Старик-стеклодув наклонился над эскизом, долго смотрел и сказал сипло:

— Трубку он правильно держит. Выше локтя. Сейчас так никто не держит. Кто вас учил?

— Никто, — сказала Майя. — Я видела когда-то.

Кручинин листал её заявку. На второй странице он остановился.

— Гордеева, — сказал он, не поднимая глаз. И потом поднял. Глаза у него были светло-карие, спокойные и очень внимательные, как у старого окуня в аквариуме. — У нас на заводе работал стеклодув Гордеев. Николай. Вы не родственница?

Майя почувствовала, как старик с усами на неё посмотрел. И ещё почувствовала, что сейчас, в эту секунду, решается что-то важное, и решается не ею, а кем-то другим, и она не совсем понимает кем. Мамин голос сказал в голове: «Сам виноват». И ещё вспомнился человек в тёмном пальто на кладбище, который стоял в стороне и не подошёл. Она не помнила его лица. Но помнила, что пальто было серое и очень аккуратное.

— Нет, — сказала она. — Однофамилица. Гордеевых много.

— Много, — согласился Кручинин и улыбнулся. Улыбка была такая же аккуратная, как лицо. — Отчество только совпадает. Николаевна.

— Николаевых тоже много.

— И это правда.

Он закрыл заявку и отодвинул её к Полине. Старик-стеклодув продолжал смотреть на Майю, и она не решалась встретиться с ним взглядом.

И в этот момент дверь актового зала открылась.

Она знала о нём почти всё. Что он встаёт в шесть. Что покупает отцу грушевый сок, а не яблочный. Что в два часа сорок ночи пишет себе «не думать». Что размер кольца его невесты — шестнадцать с половиной. Она не знала только, как он выглядит. И все эти недели, не признаваясь себе, дорисовывала: сухого человека в очках, с ранней лысиной, с нервными пальцами инженера. Так было безопаснее.

Он был высокий. Сильно выше, чем нужно, чтобы чувствовать себя спокойно, стоя рядом. В синей рабочей куртке нараспашку, под курткой — белая рубашка с закатанными рукавами, на правом рукаве след сажи. Волосы пепельно-русые, взъерошенные — наверное, только что снял каску. Серо-голубые глаза с красными от жара веками, дневная щетина, и лицо такое, что из него получился бы хороший северный князь для сказки, если бы он хоть раз улыбнулся. Он не улыбнулся.

— Извините, — сказал он всем сразу. — У нас на второй печи… Неважно. Здравствуйте.

И протянул ей руку. Левую, потому что правая была в саже, и Майя увидела на тыльной стороне ладони белёсый шрам, гладкий, как капля. Она пожала руку. Рука была горячая, как будто он держал её над огнём, а потом сразу сюда.

— Ланской.

— Гордеева.

Он чуть кивнул, выпустил её руку и перевёл взгляд на стол. И вот тут с ним что-то произошло. Он наклонился над эскизом, как десять минут назад наклонялся старик-стеклодув, опершись о стол обеими руками, сажей и чистой, и смотрел так долго, что женщина из отдела культуры кашлянула.

— Доски — каплями, — сказал он тихо, не вопросом, а будто проверял на слух, как это звучит.

— Да. Как… брак. В хорошем смысле. Когда в шаре пузырёк, его нельзя продать, но можно забрать домой. И у каждого такого шара получается… лицо.

Он поднял на неё глаза. Она поняла, что сказала слишком много. Такое мог знать только тот, у кого такие шары висели на ёлке.

— Ваш отец тоже брак носил? — спросил он с неожиданной теплотой. — Мой носил. У нас до сих пор на ёлку вешают кривые.

И вот тут, в эту секунду, сумка у неё на плече вздрогнула.

Она забыла. Она совершенно забыла, что утром бросила чёрный телефон в сумку вместе со своим новым, чтобы по дороге заехать к Зое и наконец, наконец его сбросить. Не заехала — опаздывала. И вибрацию не выключила. Майя прижала сумку локтем к боку, и телефон вздрогнул снова, и снова, короткими толчками, как второе сердце.

Лев стоял напротив неё. В левой руке у него был телефон, и он что-то быстро набирал большим пальцем, не глядя, — привычка человека, который пишет сообщения на ходу в цехе.

— Извините, — сказал он, не поднимая глаз. — Мастеру цифры… Секунду.

Набрал. Отправил. Сумка на плече у Майи вздрогнула точно в ту же секунду.

В актовом зале было тихо, только через стёкла гудели печи, и Майе казалось, что жужание её сумки слышно на весь зал, на весь завод, на весь Бор. Она смотрела на его левую руку со шрамом и не дышала.

— У вас звонит, — сказала Полина с вежливым любопытством.

— Это… — Майя сглотнула. — Это издательство. У меня сдача. Извините.

Она сунула руку в сумку, нащупала чёрный телефон и, не доставая, зажала кнопку сбоку. Держала, пока он не дрогнул в последний раз и не затих.

Лев убрал свой телефон в карман куртки и снова посмотрел на неё. В его взгляде не было подозрения. Только усталость, и вежливость, и что-то ещё, чего она не поняла.

— У меня вопросов нет, — сказал он комиссии. — Олег Петрович?

— У нас ещё два финалиста, — мягко напомнил Кручинин. — Из Москвы и из Казани. С опытом монументальной живописи. А у Майи Николаевны, насколько я понимаю, в основном… — он заглянул в заявку, — детские книжки. Бобры.

— И ежи, — сказала Майя.

Лев повернулся к Кручинину. И Майя, которая читала их переписку целый месяц, вдруг увидела её вживую: вежливый холод одного и аккуратное сопротивление другого, как трещину в стекле, которую видно только на свет.

— В Москве и в Казани нарисовали печь, — сказал Лев. — Очень хорошую печь. А доски они обвели рамочками. Как дипломы в кабинете зубного. А тут… — он показал на эскиз, — тут они часть. Я просил, чтобы они были частью. Это единственный эскиз, где они часть.

— А стеклодув трубку правильно держит, — сипло добавил старик с усами. — Выше локтя.

Кручинин улыбнулся и развёл руками: сдаюсь, мол, как скажете.

Потом были какие-то слова женщины из отдела культуры, и договор, и поздравления, и Полина говорила про сроки — до пятнадцатого декабря, там леса, тепловые пушки, краски для наружных работ, мастерская на территории, в старой столярке. Майя кивала и ничего не слышала. Лев ушёл первым, кивнув ей от двери, и на секунду — только на секунду — ей показалось, что угол его рта дрогнул.

В автобусе до Нижнего она достала чёрный телефон и включила. Прочитала то, что так напугало её в актовом зале.

«Лев Цех 3 мастер: Свод держите на 1380, не выше. До моего прихода ничего не трогать».

«Лев Полина работа: Гордеева. Без вариантов. Кручинину скажите, что это моё решение».

Это было написано в 11:42. В тот самый момент, когда он стоял перед ней и говорил «извините, мастеру цифры». Цифры мастеру он отправил первым. А второе сообщение —

сразу после, до того, как Кручинин заговорил о Москве и Казани. До того, как она сказала про ежей.

Автобус въехал на мост. Внизу лежала Волга, серая, ноябрьская, и ветер гнал по ней мелкую чешую. Майя обернулась. На борском берегу, низком и длинном, стояла серая стена старого гутного корпуса. С моста её было хорошо видно. Полина была права.

Вечером, когда она сидела на подоконнике с кружкой чая, кнопочный телефон в тумбочке пискнул. Она включала его теперь каждый вечер на час, сама не зная зачем. На случай.

«Сегодня выбрали художницу для стены на заводе. У неё стеклодув держит трубку выше локтя, как держали старики. И она рисует ежей. Отец бы одобрил. Не знаю, зачем я вам это пишу».

Майя прочла это и поставила кружку на подоконник, потому что руки вдруг перестали слушаться. Ей было стыдно до слёз, и в то же время внутри что-то раскрывалось, горячее, как стекло на конце трубки.

Она набрала: «Затем, что больше некому». Стёрла.

Набрала: «Я рада». Стёрла.

Набрала и отправила:

«Выше локтя — это важно. Пусть пишет стену».

И выключила телефон, пока он не успел ответить.

Глава 5. Цех

Старая столярка оказалась длинным кирпичным сараем на самом краю заводской территории, у забора, за которым начинался обрыв к Волге. Внутри пахло деревом, мышами и чем-то сладковатым, вроде старого столярного клея. Станки давно вывезли, остался только длинный верстак, исцарапанный ножами до серебра, и печка-буржуйка с коленчатой трубой. Зато окна были огромные, арочные, как в церкви, и света было столько, что Майя в первую же минуту решила: остаётся.

— Тут холодно, — сказала Полина, стараясь не касаться ничего руками. — Но мы поставим обогреватель. И чайник. И лампу. И мышеловку, наверное.

— Мышеловку не надо.

— Почему?

— Я их рисую, — сказала Майя. — Неудобно.

Полина посмотрела на неё с тем же вежливым любопытством, с каким смотрела на вибрирующую сумку, и записала в блокнот «без мышеловки».

Леса у стены поставили за три дня. Майя ходила вдоль них по грязи в резиновых сапогах, купленных на том же Мытном рынке у знакомой Зои, и смотрела на стену снизу вверх, словно на животное, которое надо приручить. Стена была высотой в четыре этажа, из красного кирпича под серой штукатуркой, и штукатурка местами осыпалась, как старая белила на печке, открывая тёплый кирпич под ней. На уровне второго этажа в стену были вделаны доски. Восемь штук. Тёмная бронза, позеленевшая по краям.

Она не поднималась к ним. Два дня делала вид, что их там нет: размечала стену сеткой, зачищала нижний край, спорила с прорабом про грунтовку. Прораб был маленький, жилистый, по фамилии Харитонов, и считал всю эту затею баловством, но работал на совесть, потому что «аркадьич лично сказал». Аркадьичем здесь называли Льва. Отца называли Николаичем, и про Николаича говорили в прошедшем времени, как про покойника, хотя он был жив.

На третий день Харитонов сказал:

— Аркадьич велел тебя в горячий цех сводить. Чтоб ты, значит, посмотрела, как оно на самом деле. А то рисуешь, а не видала.

— Я видала.

— На картинке видала. Одевай куртку, там искры.

Горячий цех был тем самым местом, откуда шёл гул.

Майя задержалась в дверях. Она знала, что увидит внутри. И всё равно оказалась не готова. Цех был огромный, полутёмный, с закопчённым стеклянным потолком, и в глубине его, как сердце в грудной клетке, стояла печь. Не печка — печь, с дом, обложенная огнеупорным кирпичом, опоясанная железными стяжками, и в её боку светились рабочие окна, круглые, бело-оранжевые, такие яркие, что смотреть на них было больно. Возле окон двигались люди. Их было немного, семь или восемь, и они двигались неторопливо и точно, как в танце, который репетировали тридцать лет: один набирал из окна на конец длинной трубки каплю света, передавал другому, тот катал её по чугунной плите, третий дул. И капля росла.

Стекло на конце трубки притягивало взгляд, как огонь в костре. Оно было живое. Оно свешивалось, ленилось, текло, и стеклодув поворачивал трубку, не давая ему упасть, и в этом было что-то невыносимо нежное, как в том, как держат голову младенца.

И жар. Майя стояла в двадцати метрах от печи и чувствовала, как жар кладёт ей ладони на щёки.

— Дальше не ходите.

Она обернулась. Лев стоял рядом с ней — когда он подошёл, она не слышала, в таком гуле ничего нельзя было услышать. На нём была серая брезентовая роба, на лбу — защитные очки с синими стёклами. Ещё одни такие же он протягивал ей.

— Наденьте. Иначе вечером будет казаться, что в глазах песок.

Она надела. Мир стал синим, как ночью зимой, и окна печи из белых стали нежно-розовыми, и теперь в них можно было смотреть. Внутри двигалось что-то тяжёлое, медленное, сияющее.

— Это вторая печь, — сказал Лев ей почти в ухо, иначе было не слышно. — Стекломасса там тысяча четыреста градусов. Она работает с восемьдесят девятого года и ни разу не останавливалась. Если её остановить, стекло застынет внутри, и печь придётся ломать.

— А третья? — спросила она и тут же пожалела.

Он помолчал.

— Третью закрыли давно. Там была авария. — И потом, не дав ей ничего сказать: — Хотите попробовать?

— Что?

— Дуть.

Она посмотрела на него сквозь синие очки. В синем свете у него было совсем другое лицо, моложе, и в углах глаз сидело что-то мальчишеское. Майя подумала, что такого Льва в его переписке не было ни разу. И ей вдруг стало так стыдно за эту мысль, что она сказала «да», лишь бы не думать.

У печи он взял у одного из стеклодувов трубку — железную, длинную, с деревянной обмоткой посередине — и сам набрал стекло. Сделал это так просто, как другие набирают в ложку мёд: опустил конец в сияние, повернул, вынул, и на конце трубки висела капля солнца. Он прокатил её по плите, несколько раз, и повернулся к ней.

— Вот сюда, — он показал на мундштук, чистый, блестящий. — Не сильно. Как в трубочку, когда мыльные пузыри дуешь. А я буду крутить.

И она дунула. Трубка была тёплой, и её вес держал не она, а Лев, и где-то там, далеко, на конце, её дыхание входило в огонь. Капля дрогнула. Потом чуть распухла. Потом внутри неё появился пузырь, прозрачный, точный, как вдох.

— Ещё, — сказал Лев. Он стоял сзади, накрыв её руки своими на трубке, и поворачивал её медленно и ровно. Майя чувствовала лопатками, как он дышит. — Ещё. Хорошо. Теперь хватит.

Шар был размером с апельсин, светящийся изнутри, кривоватый, с одного бока толще. А в стенке, у самого дна, застыл маленький пузырёк воздуха.

— Брак, — сказала Майя и сама услышала, как дрогнул голос.

— Брак, — согласился Лев. — Значит, можно забрать домой. Только завтра. Ему надо остыть в отжиге, иначе лопнет.

Он отдал трубку стеклодуву и отступил на шаг. И вдруг стало холодно спине, несмотря на печь, как будто из цеха разом ушло всё тепло.

— Спасибо, — сказала она.

— Это вам спасибо. — Он снял очки, и лицо снова стало старше и усталее. — У меня сегодня был очень плохой день. А теперь не очень.

Он ушёл к печи разговаривать с мастером, и Майя долго стояла, глядя, как он слушает, наклонив голову, как показывает что-то рукой на свод, как мастер кивает. Она знала, о чём они говорят. Она читала это в телефоне сегодня утром. «Свод до весны не дотянет». И сегодня же утром Кручинин написал ему: «Лев Аркадьевич, на ремонт свода денег нет и не будет до подписания с банком. Рекомендую держать температуру и не паниковать».

Из-за плеча неожиданно раздался сиплый голос:

— Выше локтя, видала?

Старик с висячими усами стоял рядом, в такой же серой робе, и смотрел не на печь, а на неё.

— Ухов Юрий Семёнович, — сказал он. — Семёныч по-нашему. Сорок два года у этой печи. В тот раз, на комиссии, не представился, извиняй.

— Очень приятно, — сказала Майя.

— Приятно, — согласился старик. Помолчал и добавил, совсем тихо, так, чтобы не услышал никто, кроме неё: — Коля тоже выше локтя держал. Я его сам учил.

Майя не повернула головы.

— Я тебя на ёлке видал, — сказал Семёныч. — В девяносто седьмом, что ли. Ты была в белке. У тебя хвост отвалился, и Коля его тебе булавкой пристёгивал. Не бойся, я никому.

В синих очках всё плыло. Майя думала, что это от жара.

— Почему? — спросила она. — Почему никому?

Семёныч пожевал ус.

— Потому что ты ему сказала «однофамилица». — Он не сказал кому. Он просто чуть повёл головой в сторону заводоуправления. — Значит, есть причина. А если есть причина, значит, ты умная. Коля тоже был умный. Только умный вслух. А вслух не надо.

— Что он говорил вслух?

Семёныч посмотрел на неё. Без очков его глаза были слезящими, воспалёнными — сорок два года у печи.

— Что третья печь плохая, — сказал он. — Что кладка в стенке бассейна пошла трещиной. Что её надо гасить и перекладывать, а не план давать. Он докладную писал. Две. А потом её прорвало. Вот и всё. Иди рисуй свою стену, дочка. И не плачь тут. Тут на лице слёзы сразу сохнут, соль остаётся. Кожа потом трескается.

Он ушёл к печи. Майя не плакала. Она просто стояла и смотрела на огонь сквозь синее стекло, и огонь был розовым и спокойным, и печь гудела ровно, как пятнадцать лет назад.

К доскам она поднялась в тот же день, в сумерках, когда Харитонов со своими ребятами уже ушёл.

Леса раскачивались под ногами и поскрипывали. С реки дул ветер, сырой, со снежной крупой, и он забирался под куртку, под свитер, до самой кожи. Майя шла по доскам настила вдоль стены, от первой таблички к последней, и читала.

«Рабочим завода, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны». Список из сорока имён, стёртых ветром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.